

ЛИТЕРАТУРА

НАТАН
АЛЬТЕРМАН

СЕРЕБРЯНОЕ
БЛЮДО

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

НАТАН АЛЬТЕРМАН

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО

11

НАТАН АЛЬТЕРМАН / СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО

**עבריה וצבי עופר
קבוץ יפעת**

נ ת נ א ל ת ר מ ו

מ ג ש ה כ ס ף

ש י ר י ם

הוצאת הקיבוץ המאוחד

НАТАН АЛЬТЕРМАН

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО

С Т И Х И

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАКИБУЦ ГАМЕУХАД

עיריית חיפה
 מזכרת תרבות הפנאי
 מזכרת תרבות לעולים
 בית הרדעסין - ספריה
 ס. טלאי.....

372

הספרייה של העירייה
 חיפה • חיפה •
 СИОНИСТСКОГО
 • ХАЙФА •

2859

К ЧИТАТЕЛЯМ

Натан Альтерман является одним из самых одаренных и выдающихся еврейских поэтов послебалийской эпохи.

Поэт родился в 1910 году, в Варшаве, получил начальное образование в еврейской гимназии в Кишиневе. Приехал в Палестину в 1925 году, продолжил учебу в гимназии «Герцлия» в Тель-Авиве. Изучал агрономию во Франции, в Нанси.

Начало его литературной деятельности относится к первой половине 30-х годов. Будучи, ярким стилистическим новатором, он открыл новые горизонты для еврейской поэзии. Писал как лирические, так и политические стихи, вошедшие в сборники «Седьмая колонка» и «Моменты». Был известен как автор многочисленных острых статей публицистического и литературно-критического содержания. Писал для детей. Его пьесы с успехом шли на подмостках еврейских театров. Частушки и песни на его слова были известны по всей стране. Он виртуозно переводил на иврит с русского, французского, английского, идиш. Благодаря его труду еврейский читатель познакомился с драмами Шекспира и Мольера, старыми балладами и песенками Англии и

Шотландии, «Лимпопо» и «Бармалеем» Корнея Чуковского.

После смерти поэта (28.3.1970) вышло в свет 15-томное собрание его сочинений. Фундаментальное издание осуществило издательство «Гакибуц Гамеухад».

С ростом алии из СССР издательство «Гакибуц» Гамеухад» решило познакомить новых репатриантов, не освоивших еще сложный поэтический иврит, с наследием замечательного поэта в переводах на русский язык. Мы просим читателя не судить этот сборник слишком строго: состав его весьма фрагментарен а переводы выполнены поэтами по собственной инициативе и в соответствии с их собственным вкусом. Следует подчеркнуть, что значительная их часть увидела свет еще при жизни автора.

Над переводами работали Лея Гольдберг, Давид Маркиш, Рувим Моран, Ицхак Орен, Александр Пэнн, Хананья Райхман, Арье Рафаэли (Ценципер), О. Файнгольд, Мириам Яллан-Штекелис. Имена переводчиков каждого стихотворения указаны в странице 8.

Вдова поэта, актриса Рахиль Маркус-Альтерман, читала многократно стихи Альтермана, переведенные на русский язык, перед группами олим. Воодушевление, с которым было встречено ее чтение, послужило поводом для составления сборника стихов Альтермана в русских переводах.

Издательство с благодарностью отмечает ее инициативу и существенную помощь в издании этой книги.

Шломо Эвен-Шопан подготовил сборник к печати и составил примечания.

В редактировании русских переводов принял участие поэт Давид Маркиш.

Объяснения и примечания к тексту расположены в конце книги.

Мы вновь подчеркиваем, что этот сборник не ставит своей целью всесторонне познакомить читателя с поэзией Натана Альтермана. Мы, однако, надеемся, что «Серебрянное блюдо» возбudit интерес любителей поэзии к творчеству выдающегося еврейского поэта.

издательство

ПЕРЕВОДЧИКИ

Лея Гольдберг

Летний вечер ■ Рассвет после бури

Давид Маркиш

Из всех народов ■ «Мама, уже можно плакать?».
В руинах

Рувим Моран

Серебряное блюдо

Ицхак Орен

Песни казней египетских

Александр Пэнн

Архимедова точка ■ О сенегальском солдате ■
Молитва о мести ■ Оливковое дерево ■ Огненный
бастион ■ Вино

Хананья Райхман

Завтра ■ Перспективы ■ Сенсации с Потсдам-
ской конференции ■ Из записок собаки ■ Араб-
ская страна ■ Объясняй сначала! ■ О шайке
еврейских подстрекателей ■ Тост итальянскому
капитану ■ Еврейский учитель ■ Процесс
раскола ■ Маленький клерикал ■ Муштровка
детей ■ Ган-Меир в Тель-Авиве

Арье Рафаэли (Ценципер)

Странные люди

О. Файнгольд

Первая улыбка

Мириам Ялан-Штекелис

Диалог

ИЗ ВСЕХ НАРОДОВ

ИЗ ВСЕХ НАРОДОВ

1942

**И казнили детей у могил... В этот час
Спали люди спокойно на свете.
Ты под солнцем избрал среди народов — лишь нас.
Ты нас трудной любовью отметил.**

**Ты избрал нас, Господь, среди прочих людей,
Утвердил нас под солнцем упрямо...
Видишь, мальчик стоит над могилой своей
Потому лишь, что он от рожденья еврей,
Кровь его — как вода в этом мире зверей.
Просит он: «Не смотри, моя мама!»**

**Плаха мокра от крови, зазубрен топор,
А Святейший отец в Ватикане
Не желает покинуть прекрасный собор —
Поглядеть на погром, на закланье.**

**Постоять хоть часок — может, Бог что простит —
Там, где агнец разнузданным миром забыт,
Где дитя
Над могилой
Стоит.**

Помнит мир о сокровищах прошлых веков —
Ведь наследие предков бесценно.
А хрустальные чаши ребячьих голов
Изуверы
Дробят
О стены!

Крик последний звенит: «Мама, ты не гляди,
Это зрелище — не для женщин.
Мы ведь тоже солдаты на этом пути,
Только ростом немного поменьше».

И казалось, кричит разможенная плоть:
«Бог отцов наших, помним мы кровью:
Средь народов земли ты избрал нас, Господь,
Ты отметил нас трудной любовью,

Ты, Господь, из миллионов детей нас избрал.
Пред тобою погибли мы, Боже,
Нашу кровь ты в большие кувшины собрал —
Потому что ведь некому больше.

Запах крови вдыхая как запах вина,
Всю до капли собрав ее, Боже,
Ты с убийц наших, Господи, взыщешь сполна.
С большинства молчаливого — тоже..

«МАМА, УЖЕ МОЖНО ПЛАКАТЬ?»

**«...спросила девочка, выйдя из укрытия,
после освобождения».**

(Аба Ковнер)

**Ты мечтала об этом не раз:
Можно плакать теперь, не таясь.
Ты не бойся: бессилен палач...
Плачь, дитя мое милое! Плачь!**

**Вот луна — как свет ее лил!
Дядя Иозеф наш дом позабыл.
Знает мир, сожженный дотла,
Сколько мук ты перенесла.**

**Знала ты в те страшные дни,
Что и ночью-то плакать — ни-ни!
А разве вдомек палачам,
Что зубки болят по ночам!**

**Минул ужас, и страх прошел.
Написали большой протокол.
Нет теперь у нас старых проблем:
Разрешается плакать всем!**

Луиной ночью, в кроватке своей,
Встань и плачь на глазах у людей,
Плачь, дитя мое, в голос, навзрыд
Мир свободы поймет и простит.

Доброй власти рука — крепка!
Можно плакать наверняка.
И Премьер с крестом на груди
Не прикрикнет тебе: «Прекрати!»

Ты, дитя, от зари до зари
Добрый мир этот благодари,
Часовым у закрытых дверей
Ты «Спасибо!» скажи поскорей.

И тогда справедливый Закон
Вмиг отвесит тебе поклон.
Ну, еще б! Это ль видано:
Право плакать тебе дано...

Ночь темна — ни зги не видать.
Из границах военная рать.
Ты границу пройди — и с тобой
Флот и армия вступят в бой.

Ты проснешься ночью порой,
Ты уйдешь в рубашонке худой,
Проскользнешь, как тень, по снегам.
Ночь не выдаст тебя врагам.

Узел джойнтовский-скорбный гнет —
Как тростинку тебя согнет.
Хлеб скитании — тяжелее свинца, —
Он от «Унра» — родного отца.

Всем опасностям наперерез,
Ты пробьешься сквозь черный лес,
Твой побег из земли оков
Мы запомним во веки веков.

С утлой лодки, ночью порой,
Ты увидишь свой берег родной —
И навек рассеется мрак.
Ты пробьешься. Да будет так!

Дух скитальческий свой укрепи.
Распадутся звенья цепи!
Наши парни во мраке ночей
Ждут сигнала с лодки твоей.

Ни причала, ни мола тут...
На руках тебя перенесут!
В этом парне — вся твоя жизнь.
Ты прижмись к нему крепче, прижмись!

Злобной воле врагов вопреки,
Бьют здесь радости родники.
Здесь падет произвол вековой.
Этот берег пустынный — твой!

Розовеет рассветная кровь.
Рождена ты для жизни вновь!
Тверже камня в лишениях став,
В трудной жизни и смерть испытав,

На тебя будут парни глядеть —
На дитя, победившее смерть.
На земле обновленной мечты
Засмеешься впервые ты!

В РУИНАХ

В руинах воюющего Сталинграда играют дети, а женщины сушат там белье.
(из заметки корреспондента).

Жизнь бурлит и в бою — до последней кровинки.
Не рожден еще в мире палач Бытия.
Жизнь восходит впотьмах сгоньком керосинки,
На серевках трепещет крылами белья.

Гибнет город на Волге, как факел пылает.
Мальчик скачет по праху на палке верхом.
Мама мальчика в ужасе руки ломает!
«Непоседа! Кем станет он в мире таком?!»

И плетется к соседке за мискою старой, —
В ней, на глиняных стенках — столетий отвар
Уцелела она при злодеях-татарах —
Да ведь немцы-то будут похуже татар!

И под вой канонады — голодной волчицы —
Закипает похлебка в худом котелке.
Так, пустое: морковка, щепотка мучицы,
Соль да перышко лука в крутом кипятке.

Жизнь бурлит и в бою — до последней кровинки,
Не рожден еще в мире палач Бытия..
В дом вернулся отец — кровь на лбу, как росинки,
Он изранен, глаза его — талые льдинки, —
К колыбели с порога он, слез не тая.

Умирая, глаза закрывая навеки,
Видит он огонек своего очага..
И кровавого, страшного времени реки
Боль его и надежду уносят в века.

Зверь опасный народу и городу вырыл
Яму смрадную, яму могильную, — но
Лишь домашний очаг — место смерти и пира.
А историю этого странного мира —
В Судный день нам увидеть ее суждено.

ЗАВТРА

**Рек Адаму Господь: «Вот богатства мои!
Не покинь бедняком мою сень:
Выбирай!» И Адам, вняв совету змеи,
Выбрал в дар себе «завтрашний день».**

**Указал он дрожащей рукой на ларец —
На сокровище в красном футляре,
И сказал со слезой: «Дай мне «завтра», Творец:
Вся надежда моя — в этом даре!»**

**Внял Адаму Господь. Взял он дар — и ушел.
В небе ангелы знали о нем:
Его поле — пустырь, и шатер его гол,
Но владеет он завтрашним днем.**

**Обрабатывал землю он в поте лица
И терпел изнурительный зной —
И в томительном этом труде без конца
Жил он мыслью: «Ведь «завтра» со мной!»**

**- - - И прошли поколения... Блуждали, как тень,
Сквозь потемки людские потомки,
Укреплял их в пути этот завтрашний день,
Что был спрятан на дне их котомки.**

И осталось в анналах бесчисленных лет
Много саг про бесчестную ловлю —
Как украли тот клад, излучающий свет,
Разменяли на мелочь фальшивых монет
И пустили на рынок — в торговлю.

Но всегда и везде, в смене дней и ночей,
Та же песня бессмертного автора
Заглушала стон мук, звон цепей, свист бичей:
Это — вечная песня про завтра.

И по нынешний день — и на наших глазах,
В грозном мраке, сквозь бурю и вой,
Мать младенцу поет, улыбаясь в слезах:
«Светлый завтрашний день — будет твой!»

Хоть народ твой сегодня унижен и сир,
«Завтра» даст тебе вольную новь.
То наследье веков принесет тебе мир,
Хоть футляр его красен как кровь.

Для тебя пролагают, дитя мое, путь
К этой ярко-сверкающей цели.
Сни, мой сын!» Но ребенок не может уснуть,
Тихо плачет в своей колыбели.

И, услышав тот плач, прародитель Адам
Шевелится в могиле устало.
От обиды бедняге не спится и там:
Его «завтра» еще не настало!

Сам же завтрашний день, что дремотой об'ят,
Тоже слышит тот плач с возмущеньем,
И когда его щупает вдруг дипломат —
Содрогается он с отвращением.

Слухи, тайны вокруг — словно шепчет злой бес
И он чует с безмолвным проклятьем,
Что пороки людей, капитал, интерес
Собираются снова играть им.

И свой краткий закон он вещает во мгле,
Проникая в глубины сердец:
«Либо всем дам я свет на свободной земле,
Либо... песне о завтра — конец!»

АРХИМЕДОВА ТОЧКА

1. Теория

**Архимед как-то в ванне плескался, и в ней
Засиделся милейший старик и размяк,
Размышляя среди прочих абстрактных идей
Над штуковиной, имя которой —
рычаг.**

**Волновались соседи, зверея, и стать
Торопились в затылок:**

— Порядки какие!

**Когда он, Архимед, хочет ванну принять,
Этот мир вверх тормашками переверну,**

**Лишь единственный раз, в этой самой воде
Вес удельный у тел обнаружив,
Вышел раньше, и думалось нам — быть беде,
Когда крикнул он «эврика!», мимо нас пролетев,
Распорядок наш тоже нарушив.**

**Так шипели соседи, кто громче, кто тише,
А старик в это время из ванной вышел.**

Выйдя, бросил: «Рычаг... Инструмент — ну и ну!
Исполины в нем дремлют,
Он мощный и спорый...
Этот мир вверх тормашками переверну,
Только дайте мне точку опоры!»

Услыхав этот клич, все домашние — в смех:
— Ишь ты, прыткий какой...
А ведь старенький... Странно...
Ну, конечно, такое не выдумать грех,
Целый день полоскался в ванне!..

...И с тех пор отшумели года и теории,
Но тот радостный клич старика
Все жужжит и жужжит в оба уха истории
И как дятел, долбит неустанно века.

И герой не один зарывался:
— Все ясно!
Мне взметнуть этот мир иль в могилу сойти!—
Находил рычаги, но трудился напрасно,
Так как точку опоры не мог он найти.

2. Практика

Ночью в Мюнхене

В грязной пижаме с рукомойником.

Собралась стая разбойников

И сидела, пиво попивая спокойненько.

А к утру куцеусый разбойник встал

И сказал хромоногому другу: — К действию!

Наш рычаг установлен,

Гляди — красота.

Ну а точка опоры в нем — точка еврейская!..

И пошло, завертелось — и в глаз, и в бровь.

Зубоскалы под флагами перли, рыча...

И еврейская кровь была первая кровь,

Оросившая этот рычаг...

А земля демократов терпением сильна:

— Не волнуйтесь, державы и страны,

Это частный рычаг, и лишь точка одна

Истекает кровью из раны.

И, нагледя, смелел куцеусый бандит,

И кудахтала громче хромоногая квочка.

**И не поняли те, кто давал им кредит,
Что еврейская точка, несясь вперед,
Это есть Архимедова точка.**

**Размахнувшись,
Рубила рука рычага —
И чернели пейзажи от орд врага...
Чехи, помните, были вначале,
А за ними Варшава — смятение и смерть..
И заплакали дети, и матери замолчали.
Демократы без толка метались, дрожали,
И рыдал в темноте седой Архимед...**

**Вдруг —
Никто не успел осмыслить явления —
Началось
Светопреставление...**

3. Мораль

**Начинается это всегда с замешательства,
С мелочей и с политики невмешательства;
С безграмотности очень парламентарной
В законах физики элементарной
С блюдолизов, ханжей в идейных зевак.
И с незнания, что же такое рычаг;
Начинается это с людишек, которым
Расплатиться придется за кровь и за горе;
Начинается это...
Но, если угодно,
Это все не закончилось даже сегодня!..**

ПЕРСПЕКТИВЫ

**«Возрастает уверенность, что нынешние
усилия упрочения мира смогут предо-
твратить новый мировой взрыв».**

(Из газет).

**Закljučаются пакты. И все тверже и тверже
Раздаются повсюду, куда ни смотри,
Голоса дипломатов: «есть шанс, что задержим
Мировую войну номер три!»**

**Это есть безусловно отраднейший факт,
Что хотят задержать этот гибельный акт.**

**И приятно, что можно войну избежать —
Но, по логике, если так многи
Заявления о шансах ее задержать —
То она уже, значит, в дороге.**

**Коль земля не изменит свой вид, то она
Обладает немалыми шансами
Демонстрировать фильм «мировая война»
Без антрактов
                    между сеансами.**

Так, в течение лет, сам себя укокопит
В этой серии войн человеческий род.
И лишь где-нибудь там, в дебрях леса, быть-может,
Уцелеет один готтентот.

Но и он (хоть один, вместо тысяч и сотен)
Будет тешиться копьями, как в старину;
И повздорит с собой — и рассердится «готтен»,
И объявит он «тоту» мировую войну.

Это будет последняя битва на свете.
Взвоят лес. Но не будет уже никого,
Чтоб спасти в роковые мгновения эти
Человека последнего — от себя самого.

•

Взвесив шансы на мир, отмечаем с печалью,
Что единственный вывод покажет лишь тот:
Если мир будет жить готтентотской моралью,
От него уцелеет только тот готтентот.

О СЕНЕГАЛЬСКОМ СОЛДАТЕ

который был мобилизован во время мировой войны, и после победы брошен в круговорот англо-французских интересов в Леванте.

1

В Сенегалии дальней,
Среди рос и грез,
Сенегалец-парнишка,
Рос и рос.
Прыгал с пальм,
Кувыркался в волне сенегальной. —
Ох, прохладна ж вода в Сенегалии дальней!

Потом появился чиновник хозяйский
И веревкой скрутил его сенегальской.

Затем он, рабом на плантациях, массово
Паковал и грузил плоды ананасовы,
А когда обессилел — удрал:
— Знай нас они!

Потом он бичем был избит и разжалован,—
И длинны же до жути бичи сенегаловы.

**А затем, когда в бойне захлебнулись народы,
Он был призван спасать
Мир любви и свободы...**

2

**Греб в дыму в огне он, бесстрашно суров.
Его черные губы цедили кровь.
В субтропическом шлеме,
Сквозь смерти сугробы,
Он шагал, защищая свободу Европы.
И ему объясняли что надо смель,
Что во имя культуры он примет смерть.
И, когда прекратилась взрывов халтура,
Он понял:
Она спасена — культура.**

3

**И тогда он сказал себе:
«Что ж, перестань ты,
Отдохни...» —
Это было ночью в Леванте...**

**...И была эта ночь — пугбрии и склоки,
Ночь концессий, ночь нефти,
Ночь денежных блоков...
Да, одна из ночей Ближневостока...**

...На больничную койку он грузно слег,
 И, пытаясь понять, что случилось — не мог...
 В окровавленном черепе, пестрой баталией,
 Звуки выстрелов, толпы, огни Сенегалии...
 Сенегалия! Франция! Бритсенегалы!
 Сенегалия крупных и средних, и малых...
 Сенегалия в прошлом, Сенегалия в будущем,
 Сенегалия общей победы над чудищем!..

«Папа, — бредит он, — радуйся, прыгай по-заячьи!
 Вся земля — Сенегалия!
 Мир — сенегаличий!
 Все империи — слушай! — порядком нормальным
 Выражаются только языком сенегальным!..
 Мир боролся с врагом, уничтожив каналию,
 Для тебя, Сенегалия!
 Для тебя, Сенегалия!...»

Так он бредил и смолк, потонув в хлороформе,
И вопрос о Леванте
Вырос на Форуме.
И судили об этом вопросе умелые
Сенегальские представители —
Белые!..

СЕНСАЦИИ С ПОТСДАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Секрет.

Секрет.

Секрет.

Затаил, дыханье весь свет.

Собрались тут владыки мира.

Тут решится его судьба.

Миллионы ждут слов из эфира,

Что спасут их — иль вгонят в гроба.

Вдруг — газета. И миг стар и млад

На киосках буквально повисли:

Что ни весть,

Что ни новость, то клад,

Клад сокровищ

Духа и мысли.

1

Сенсация первая!

Великая весть:

«Великие» встретились —

И начали есть.

2

**Хор вестей вперегонку:
Подают — печенку!**

3

**Дипломат намекнул, что, по слухам,
Та печенка зажарена с луком.**

4

**Ах, его репутация погублена.
Оказалось: печенка нарублена.**

5

**Вина: порто с шартрезом.
Мясо: дичь с майонезом.**

6

**Приложение: пикули.
Хлеб — одни пумперникели.**

7

**Спогшибательный «ссоор»:
Замечательный суп!**

8

**«Таймс» и радио вкупе
Сообщают о супе.**

9

**Пресса ждет дополнения.
Мир дрожит от волнения.**

10

**Завтра утром, поверьте,
Будем знать о десерте.**

11

**Словом, тьма витаминов!
Микрофоны шумят.
А вся масса кретинов
Все читает подряд.**

ИЗ ЗАПИСОК СОБАКИ

(одной из собак, обученных и служивших
во время войны — и привезенных в 1946-ом
году в Палестину для розысков оружия).

1

**Офицер Том Фут
Разбудил чуть свет
Нас, ищеек, и их —
Репортеров газет.**

**Он сказал нам: «Минута настала!
Мы выходим на розыск металла!»**

2

**Никогда с такой свитой
Не пускалась в поход я.
На ошейники наши
Нацепили поводья.
И помчались с прытью экспресса
Мы
и все представители прессы.**

4

Мы явились в «Сдот-Ям».
Опустивши свой нос,
Я ползу по земле, учиняя допрос.
А за мною следит,
Как всегда, сарджент Смит.

3

Час прошел. Я в поту.
Два прошло. И без слова
Сарджент Смит за ремень
Меня дергает снова.
Есть ли, мол, результат?
— Нет. Пока — никакого.

5

Утро в день перешло. Вот и вечер настал.
Очи Смита пронзают меня как кинжал.
Я в отчаяньи бегаю,
То одна, то с коллегою,
И тоска мое сердце щемит и томит.
О, что случилось со мной, объясни, сарджент Смит?

И сказал сарджент Смит:

«Постыдись неудачи!

Ты забыла сноровку — или долг свой собачий!»

6

Что ни слово — то мож!

Меня бросило в дрожь.

Став на задние лапы,

Я крикнула: Ложь!

7

Сарджент Смит, ты забыл,

Как военной тропой

От Калэ и до Рейна

Шла я вместе с тобой?

Как ползла сквозь огонь, не щадя своей жизни,

И как верой и правдой служила отчизне?

Там я знала свой долг.

Я тогда ощущала

Только запах металла,

Металла,

Металла!

Но теперь, сарджент Смит — жуть и дрожь
в моих лапах,
Потому, что другой здесь я чувствую запах.

Пахнет здесь не металлом, а гниющей империей
И британским народом, обманувшим доверие,
И трусливым правительством, вечно бьющим отбой
И глуящимся, Смит, надо мной и тобой.

Пахнет здесь дипломатами, игроками прожженными,
Что торгуют на рынках святыми знаменами
И священною кровью героев войны—
И смеются над долгом, что жертвам должны.

И я чую, полна и стыда и тревоги,
Смрадный запах конца этой жалкой дороги.
От всей мощи Империи не останется знака...
Знать, недаром так воеет в ее стенах собака.

8

Так истощенный мой вой
Лился ночью глухой.
Побелевший как мел,
Смит в глаза мне глядел.

Он схватил револьвер... Быстрый выстрел —
и промах

В ту минуту там не было
ни чужих, ни знакомых.
И никто не видал этой вспышки огня.
И никто не слышал. Ни его. Ни меня.

Рассвело. Мы убрались с пустыми руками.
А сегодняшней ночью буду быть я в Рухаме.

АРАБСКАЯ СТРАНА

**«Палестина — арабская страна, и чужим
нет на нее никаких прав».**

(Из арабской декларации)

**Ночь ясна. Рощи гор шелестят
Под двурогой ущербной луной.
И арабские звезды блестят
В вышине над арабской страной.**

**Серп луны еще тонок и куч,
Но рой звезд, не скупясь на труд,
Льет сиянье на город Иль-Кудс,
Где когда-то жил Малек Дауд.**

**Звезды будят мерцаньем своим
Иль-Халиль, погруженный во мрак,
Где схоронен отец Ибраг'им,
Тот, чей сын был хаваджа Исхак.**

**А оттуда спешат они вглубь —
Красить золотом зеркало вод
Той реки Иль-Урдун, где Якуб
Переправился с посохом вброд.**

**Ночь ясна. Все полно тишины.
Звезды ярко горят в вышине
Над горами арабской страны,
Что узрел Наби Муса извне.**

ОБЪЯСНЯИ СНАЧАЛА!

1

**С незапамятных дней насаждался и рос
Лес памфлетов и книг
Про «еврейский вопрос».**

**На ту вечную тему
И писать-то уж не о чем:
Объясняли проблему
И ученым и неучам;
Объясняли читателям —
И врагам и приятелям;
Со всем пылом печатного и словесного пороха
Объясняли и Герцль, и Линскер, и Борохов.**

**Объясняли речами, всему свету знакомыми,
А враги, в промежутках, объясняли погромами,
И огнем, и мечом, и ножом, и дубиной —
(Не вместить и в страницу тот перечень длинный).**

**И поборники правды на решающем форуме
Выражали сочувствие дружелюбными взорами,**

**И внимали ораторам, и кивали сердечно:
Понимаем, друзья,
Понимаем,
Конечно!**

**Да, евреи народ, а не секта. Как свеж еще
Тот жестокий урок, что им нужно убежище!
Их рассеянье было несчастье и грех.
Надо дать им все то, что давно есть у всех:
Территорию, власть, представительство в мире...
Ясно раз навсегда! Как два на-два—четыре!**

**Значит, ясно? Прекрасно! было очень приятно,
Что никто этих истин не толкует превратно,**

**Но, как видно, в проблеме, разъясненной так хлестко,
Оставался вопросец — небольшая загвоздка!**

**И теперь, через годы,
Этот мелкий вопросик
Из глубин аксиомы снова высунул носик.**

**Он был, мельком
И быстро,
Задан в речи
Министра.**

«У евреев — сказал он — есть две просьбы

к правительствам:

Наделить их убежищем —

И своим представительством.

Что ж? Страна для убежища — им, конечно, нужна,

Но зачем — объясните —

Неприменно о д н а ?

Если в каждой стране им уделят по квоте —

Вот и будет конец

Их и нашей заботе!

А насчет представительства — непонятно мне, право,

На каком основании можно дать это право?

Это право дается — так докажут все книги им —

Лишь народам и странам,

Но никак не р е л и г и я м...»

Эти перлы министра

Нам напомнили ныне

Анекдот о крестьянине

И об автомашине.

Два часа просвещали одного селянина,
 Как пускается в ход и как едет машина.
 И он слушал внимательно с понимающим взглядом—
 А со лба объяснителя

пот катился уж градом.

Наконец, он сказал- «Хватит, я ведь не пень!

Понимаю!

Все ясно, как день!

Значит, есть карбюратор,

И затем генератор,

И затем батарея,

И затем конденсатор.

Тут бензин наливается,

Здесь мотор зажигается.

А тут действует вал,

А затем — передача;

И вращенье колес,

Стало-быть, не задача.

Одним словом, прекрасно я понял урок,

Да одно мне, признаться, еще псевдомек . . .

И один лишь вопрос у меня:

Где тут, братец, впрягают к о н я?»

Да, устами политика
Так и сказано прямо.
Значит, снова начните-ка
Объяснять от Адама!

О ШАЙКЕ ЕВРЕЙСКИХ ПОДСТРЕКАТЕЛЕЙ

(После сообщения мандатных властей)

1

**Это — шайка фанатиков! Сводка властей
Приписала не мало грехов ей;
Она тащит евреев в Марсель и в Пирей,
Подвергает людей риску утлых ладей,
Где и жажда и давка, как в бочке сельдей,
И где нет санитарных условий.**

**Сообщенье о шайке, лишенной стыда —
Не казенная ложь пропаганды,
Это сущая правда! Да — да, господа!
Всюду бродят команды той банды.**

**Это знает теперь каждый путь, каждый тракт;
Эта шайка — действительный факт!**

**Ее члены прельщают наивных невежд
И готовят, хитры и коварны,
Контрабандные грузы еврейских надежд
Из Констанцы,
Из Бари,
Из Варны.**

Ее ярко рисует казенный портрет;
Но, коль взять, например, иностранцев, —
Как похожа она целым рядом примет
На известную шайку британцев.

2

Был год «блица». Впотьмах, не снимая одежд,
Жил весь Лондон как город лунатиков.
И тогда, для спасенья б р и т а н с к и х надежд,
Вышла шайка английских фанатиков.

О, бессовестный клан! Ввел он нацию в грех.
Не забыть его варварских слов ей:
«Пот и слезы и кровь» — обещал он для всех —
Вместо всех санитарных условий.

Пот и слезы и кровь! Кровь и слезы и пот! —
Вот что было предложено Черчилем,
Главарем этой банды, в тот памятный год
Англичанам наивным, доверчивым.

Риск, мученья, нужду и обманчивый луч
Они дали стране, почерневшей от туч.

**Они звали, тащили на бой, на дозор!
Подстрекали, манили... О, стыд и позор!**

**Но когда Лорд Г'ав-Г'ав в своем радио-стиле
Объяснял англичанам, ругая их нрав,
Что их всех завлекли, обманули, сгубили —
Хохотали британцы над Лордом Г'ав-Г'ав.
Над такой безграничною тупостью,
Над такой грандиозною глупостью.**

ТОСТ ИТАЛЬЯНСКОМУ КАПИТАНУ

**Небо в тучах кругом — и шумит ураган.
Но уж сделано дело на море.
Мы подыдем стакан в твою честь, капитан!
Мы с тобой еще встретимся вскоре.**

**Неизвестна - темна та морская стезя,
И никто ее славы не слышит;
Тайный путь тот на карте увидеть нельзя —
Но история путь тот запишет.**

**Про тот маленький флот из бесчисленных стран
Создадутся стихи и романы.
И, пожалуй, тебе — да, тебе, капитан,
Позавидуют все капитаны.**

**Наши парни работают ночью впотьмах;
За свой труд отдадут они душу.
Ты видал, как они с кораблей на плечах,
Свой народ переносят на сушу.**

**За холодную ночь мы подыдем стакан!
За опасность, за труд и за горе!
За наш маленький флот, что в пути, капитан,
За суденышки, скрытые в море!**

За отважных ребят, что без карты ведут
Судно к берегу в темные ночи —
И, уйдя от погони жестокой, дойдут
В нужный срок до назначенной точки.

Волны моря споют еще песню свою
И расскажут рассказ очевидца,
Как народ наш в своем трафальгарском бою
Смог спасти утлый бот — и пробиться!

Небо в тучах кругом — и шумит ураган.
Но ведется работа на море!
Мы подыдем стакан в твою честь, капитан!
Мы с тобой еще встретимся вскоре!

День придет — и в таверне, в беседе ночной,
Ты вздохнешь за бутылкой Кьянти,
Улыбнешься и скажешь, тряхнув сединой:
«Постарел я, друзья мои, гляньте!

Но, хоть много на свете прошел я путей,
Еще помню — о, Санта-Мария,
Как, при спуске, в ту ночь я промок до костей
В этой... как ее звать?.. Паг'ария!»

И тогда мы расскажем: «Замок уже снят,
И ворота открыты народу;
И открыла их, брат, эта кучка ребят,
Что в ту ночь смело бросилась в воду».

Усмехнешься: «В борьбе меж пловцом и ловцом
Ваших даром искали «радаром» —
И закончишь крутым итальянским словом,
Поминающим чорта недаром.

День придет! А пока — пусть шумит ураган!
За опасность, за труд и за горе!
За наш маленький флот, что в пути, капитан!
За суденьшки, скрытые в море!

МОЛИТВА О МЕСТИ

За то, что

Он живым зарывал меня в землю и жег,
И состарился я, словно древнее небо,
Дай мне ненависть, серую, как мешок,
Что вдвоем не поднять ее тяжести мне бы.

Я к живущим врагам заявлюсь неживой
И над ними взойду полнолуния долей.
Они полем и рощей гнались за мной —
Буду гнать их в рощей и полем.

Пусть узнают мучители мести лицо,
Пусть замечется в ужасе крик палачей,
Когда тот, кто считался уже мертвецом,
К ним вернется живой саранчей.

Покровитель, очнись! Из могил и трупоб
Кровь убитых зовет, услышал ты их чтоб!
Встань, отец! Встань и рви!
Ведь на то ж ты отец! —
Есть предел униженью, есть мукам конец!
И о чем я прошу? — Только б этой рукой

Дотянутся к их горлу, отец дорогой!
Разве многого ищет в их доме твой сын? —
Лишь зеницу их ока ищет твой сын!
Тяжела его грусть. Его сердце в золе.
Он истоптан врагом на горячей земле.
И, оплеванный весь,
Он твердил: «грянет месть!»
И, немея, мечтам
Предавался: «воздам!»
В день, когда твоя месть вспыхнет праздничным
светом,
Пусть хоть глазом одним он увидит все это.
Если ж радость его будет бурно цвести —
Не взывай к нему: «сжался, помилуй, прости!»
Не забудь одного, побежденного сотней.
Пусть желанием войдет в твою сень и обитель.
Гнев заклятых, отец-покровитель!..

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

**Были юноши светлых порывов полны,
Были девушки нежны, как солнца восход,
По горам Иудей бродили они
С узелком на плечах до Кинеретских вод.**

**Так, примерно, полвека тому назад
Появились они — авангардный отряд, —
И встречая таких,
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймет?**

**Жить хотят здесь, в стране
Средь пустынь и болот.
Что за странный,
Действительно странный народ!**

**И сказали они: хватит тратить слова
Про Сион — наших прадедов родину-мать,—
Надо землю пахать и поля засеивать,
Надо в поте лица себе хлеб добывать.**

**Так сказав, — за работу. Насмешки презрев,
Они потом своим орошали посев.**

**И встречая таких,
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймет?**

**Заявили — свершили,
И труд им оплот.
Что за странный,
Действительно странный народ!**

**И сказали: отбросив боязнь и страх,
Будем ночью и днем мы на страже стоять
И верхом на коне и с оружием в руках
Нашу жизнь, и честь, и добро защищать.**

**Заявили — свершили: во мраке ночей
Их найдешь ты на страже садов и полей.
И встречая таких,
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймет?**

**Создают «Гашомер»,
Их и страх не берет.
Что за странный,
Действительно странный народ!**

**И сказали: Чужбина нам домом была,
Речь чужая в устах наших братьев звучит,—
Мы отныне едины в стране, как скала.
Как один, перейдем на родной наш «иврит.»**

**Тот язык в старых книгах обрел свой покой,
Но они говорили на нем меж собой.
И встречая таких.
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймет?**

**Разговор на «иврите»
До чего доведет?
Что за странный,
Действительно странный народ!**

**И сказали они: мы «квуцу» создаем
И мы жить будем вместе семьей трудовой:
Поле вместе засеем, и то что пожнем,
Словно братья, поделим мы между собой.**

**Так сказали, покинув покой и уют,
И Кишерет и Дганью они создают.
И встречая таких,
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймет?**

Создают «квуцу» Дганью,
На чем строят расчет?
Что за странный,
Действительно странный народ!

Не пророки они, но им ясен их путь:
Воскресит наш народ авангардная рать,
Если сможет скитания пыль отряхнуть,
Чтобы стать за станок, целину поднимать.

И сказали они: знаем, время придет,
Снова сеять и строить начнет наш народ.
И встречая таких,
Говорили о них:
Что за странные люди! Кто их поймет?

Опьянение мечтой
До чего доведет?
Что за странный,
Действительно странный народ!

А теперь, озирая свой праведный труд,
Они видят заводы на полном ходу,
В новых селах крестьяне и косят и жнут,
На границах страны — наш солдат на посту.

**И они говорят, видя всюду народ трудовой
Кто мечтал хоть во сне о жизни такой?
И встречая таких,
Вспоминают о них:
Что за странные люди! Кто их поймет?**

**Тут такие простые дела...
Как на ум это им не придет?
Что за странный,
Действительно, странный народ!**

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО

**«Государство не преподносят народу на
серебряном блюде».**

Хаим Вейцман

**...И наступит покой. И багровое око
Небосвода померкнет в дыму,
И народ,
Всею грудью вздыхая глубоко,
В предвкушении близкого чуда замрет.**

**Он в сияньи луны простоят до восхода.
В радость, в боль облаченный,
И с первым лучом
Двое — девушка с юношей — выйдут к народу,
Мерным шагом ступая, к плечу плечом.**

**Молчаливо пройдут они длинной тропею,
Их одежда проста, башмаки тяжелы,
Их тела не отмыты от копоты боя,
Их глаза еще полны и молний и мглы.**

Как устали они! Но чело их прекрасно
И росинками юности окроплено,
Подойдут и застынут вблизи... И неясно,
То ли живы они, то ль убиты давно.

И, волнуясь, народ, спросит: «Кто вы?»
И хором
Скажут оба, в засохшей крови и пыли:
«Мы — то блюдо серебряное, на котором
Государство еврейское вам поднесли».

Скажут так и падут. Тень на лица их ляжет.
Остальное история, видно, доскажет...

ПЕРВАЯ УЛЫБКА

ПЕРВАЯ УЛЫБКА

Не призывай меня отчаяньем клятвой,
                                не призывай меня обильем слов.
Стремясь к тебе, вхожу на твой порог
                                со всех извилин всех моих дорог.
Усталый путь мой беден и тосклив.
                                Не призывай меня обильем слов.
Затихнет все и сгинет все, и только ты
                                да ночь еще живут.
Шумя толпится на пороге сердца суета.
А ночь — во всю. Гудят леса.
                                Из труб дымится черным валом тьма.

Когда глаза твои останутся одни,
                                бессоницей подчеркнутые синью,
И три струны, что в имени твоём, вдруг прозвонят,
                                сметая пыль,
Скажи, скажи тиши, убийце слез,
                                поведай грусти утомленной,
Что, помня все, к ним возвращаются опустошенными
                                из города, созревшего в борьбе,
Чтоб раз, еще хотя бы раз обнять их.

Как велики мгновения конца!
                                Гаси свечу. И свету нужен отдых.

Молчание развей. Плывут просторы.

В безумной выси я вдыхаю воздух.

Ты! — Никогда еще не жил тобою я, Ты мое море!

Соленый запах родины моей!

Как счастье бурное с обломанным крылом,

О, если бы пронзить меня могла ты памятью своей!

Ведь знал я, знал — ты ждешь меня,

в тени кусая дрогнувшие губы.

Мне чудился твой шепот бредовой в пролетах улиц,

в шумах городских.

И одинокий в праздничном чаду,

не раз роняя голову на стол,

Я видел — ты выходишь из угла.

Все разошлись. И в темноте осталась ты,

Чтоб заковать меня в прохладу своих рук.

Спокойные промчались годы под твоим окном.

В шкатулке позабыты серьги — память прошлых
дней.

Твое лицо худое высечено из грусти.

Мелькнув мечтою предо мной.

ты сберегла мне самый ценный дар —

Расплату за любовь, печали черствый хлеб

И луч улыбки первой, падающий ниц.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

**Тишина в пространстве громче вихря,
И в глазах кошачьих блеск ножа.
Ночь! Как много ночи! Звезды тихо,
Точно в яслях, на небе лежат.**

**Время ширится. Часам дышать привольно.
И роса, как встреча, взор заволокла.
На панель поверг фонарь ночных невольников,
Потрясая золотом жезла.**

**Ветер тих, взволнован, легким всадником
Прискакал, и, растрепав кусты,
Льнет к зеленой злобе палисадников,
Клад клубится в пене темноты.**

**Дальше, дальше ввысь уходит город
С позолотой глаз. Урча, без слов,
Испаряют камни гнев и голод
Башен, крыш и куполов.**

РАССВЕТ ПОСЛЕ БУРИ

Разбит, прибит,
Базар, хромая, встал
С разгромленных телег, с сугробов сена,
Очнувшись,
Циферблат на башне сосчитал
Свои часы
Последние до смены.

Но пахнет улица
Еще дождем,
И памятник, сияя
Мокрыми глазами,
С моста глядится в водоем.

И дышит дерево —
И дышит пламенем рассветного расцвета,
И именем
                    грозы,
                                громов
                                        и лета.

ОЛИВКОВОЕ ДЕРЕВО

Лето царило
Семьдесят лет.
Солнце — яда и мести прибой.
Только он — оливняк, безмолвный аскет --
Стойко выдержал огненный бой.

Родина,
Его клятва свята! Будни сочные с ним
Груза звезд и луны не грузили.
Только бедность его, словно «Шир га'Ширим»,
Сердце скал твоих насквозь пронзила.

Или, может быть, волей небесных высот
Он слезой наделен, распаленной в огне,
Чтоб над книгой твоей, как сухой счетовод,
Одинокó итожить гнев.

Когда горы твои жаждут смерти и в них
Молит блеянье стад о дожде на лугах,
Он твой страж крепостной,
Твой пустынный-жених,
Твоя жизнь в его цепких руках.

Ослепленный закатом, под вечер лицо
Твое ищет он — где ты?!..
В огне его жил и корней обручальным кольцом
Твой плач сохранен на дне.

От него даже ад в испуге бежит,
Зря растратив жару...
Если гложет
Грудь камней хоть один корешок, чтобы жить, —
Сердце гор никогда умереть не сможет!..

ОГНЕННЫЙ БАСТИОН

(Из одноименного цикла стихов)

Дымится и хрипит старинный гнев земли,
И местью бредит он, как раб в неволе...
Земля —

Она твоя в крови проклятий и молитв,
Она в глазах твоих осела белой солью.

Древней любви и слов ее прожженный прах,
А жажда
Первых лоз и струй вина древнее.
И человек во сне, и дерево в корнях —
Заложники ее. Всегда при ней и с нею.

Терзай ее металлом заступов —
Она

Щетинится щитами огненно и сухо.
И потом рук своих расплачешься ты под
ее неслышащим, окаменевшим ухом.

Но лишь растаял звук —
То видишь, горы спят,
Не отступив.

Сильны.

Ни дрожи, ни ответа.

**И над тобой, жесток, незыблем и распят,
Сняет дикий ад голубизны и света!..**

*

Разгул огня.

Земля коричневая медь.

В утробе пламенной и сера руда.

**Не тронь рукой пылающую смерть —
Она и недоступна и горда.**

**У ног твоих она распластана, как даль
Допамятных времен, костями и сердцем разом.
Ты дорог ей, как мысль последняя, когда
В погроме солнечном себя лишился разум.**

Охотник-день —

Дикарь песчано-голубой —

Хоронит в ней тела зарезанных закатов.

Звездой далекою завещаны ей бой

И эхо ужасов, пережитых когда-то.

Гром — крик ее родов — грохочет.

Самка-мать

Зверенышей своих спасает, хвост развеив...

Огнем

Целованы уста, дерзнувшие назвать

Вот эту землю родиной своею!..

*

Лишь небо и шатер. Вдвоем они весь век.

Дорога к ним горит, зажатая песками.

Во тьме к порогу их приходит человек,

Его глаза —

Два зеркала для камня.

Не на покой несет он сердце.

Пусть устал.

Но отдыха не настал еще для ран и ссадин.

Идущий из песков, он обнимает сталь, —

Буравя и кроша, она устала за день.

Ни тени облачной. Не поля хлебный круг —

Ночная дымка гор простор заворожила.

Он заступ опустил, и пальцы смелых рук

Улыбкой светятся — а плачут только жилы.

И небо, бровь кривя, глядит из тьмы ночей;
В шатре, сминая боль, растет покой звериный.
Свеча —

Могучей всех божественных свечей!—
Над хлебом и письмом слезится стеарином.

*

— Мертва ты, а я все еще живу, мой брат.
Теперь над нами ночь, немая до безумья,
Еще силен я, брат, и сталь еще остра,
И об нее земля свои ломает зубья.

Усталая моя!
С восхода по закат
Ее горючий гнев я потрошу покорно.
Во сне моем она в моих руках — как ад.

И если б дни ее погасли, от когтей
Моей ослепшей страсти некуда ей деться.
Она к моей судьбе прикована, как тень.
Она моя дотла.
Я взял ее за сердце.

Не видеть мне богатств ее чудесный сплав.
Не знаю, в чем и где моя награда...
Счастливым я умру, однажды услышав
«Вода!»
Среди сухого каменного ада.

ВИНО

Сын янтарных ветвей. Лебеза-слововой.
Клялся тысячам и забывал.
Но смеется босая в нем дочь деревень,
Чьи ступни он, кипя, целовал.

И когда мудрецы, то хваля, то кляня,
Постигают в нем голую суть, —
Только память о ней провожает меня,
Как звезда неотступная в путь.

С первоздания бражного выкрика: пей!
Непроменна его нищета.
Я его протащу под полою к себе
И тобой разбужу, Хамутал.

И притихший вдали от тебя, просыпаясь,
Он взбурлит, проклиная твоих краснобаев.

Ведь в тебе однокость вина. И, огнем,
На пирах где смысл и тепло.
Но ревнивое сердце безглазо и в нем,
Как Самсон ослепленный врасплох.

Хамутал, Хамутал, ты росой залита
Твои пальцы — глазам моим песнь.
Дик твой стан. Хамутал, как мустанг, Хамутал,
И как молния в далях небес.

Наша радость в тоску облачила себя.
Где ты? глаз от крови не отвлечь.
О, явись! много храбрых, увидев тебя,
Упадут на свой собственный меч.

Грусть вина неизменно верна. Мы же сами,
Друг мой, блудом блудили, идя за глазами.

По нему наша страсть, измельчавшая в пыль.
Бьет единственно-вечной — тобой.
Он молчал и любил. Он касался и пил,
Как луну пьет осипший прибой.

Он приют нашей первой любви. И над ней
Он, почерточно схож, нависал,
Он наш праздник живой — бедных будней бедней,
Он стираем рукой, как слеза.

И когда своей старой печалью залит,
Он коснется и вас, как моря, —

**Знайте: это последний влюбленный земли
Провожает нас в путь — умирать.**

**Ведь рука его в клятве, а наша — в измене,
Но вовек его милости мы не изменим.**

**Не забудь, исколола тебя, как ножи,
Нашей спеси болтливая роль.
Строгой грусти полно лишь вино твое, жизнь,
Сквозь отрепья в нем виден король.**

**Не забудь его имени выжатый сок
И касанье струи огневой,
Его первая ласка — свобода высот,
Что незнаема нами живой.**

**В нас от ласки повторной струится, как ртуть,
Его царственно звонкий металл.
А последняя ласка несет темноту,
И забрезжит во тьме Хамутал.**

**Мы в хаос многоналой рукою вращали,
Но, как он, ее сердца, друзья, не касались.**

ДИАЛОГ

— Где ты, Михаль? Я шорох слышу, скрип ворот.
О, если б миг один еще побыть с тобою.
Зажги свечу, жена, и выйди на порог,
Дай свет, чтоб тьма была бессильна надо мною.

— О, Михаэль, открыта дверь перед тобой.
Я на пороге жду, и свет навек со мной.
без счастья,
Пустынна ночь без слез, пустынна ночь
Но светит свет, и нет меж нами тьмы
ненастья.

— Где ты, Михаль? Я в хаос выброшен слепой.
Я там, где нет огня и нет земли и неба.
Я пал, сражен. Но я услышал голос твой.
И я ищу тебя, как голод ищет хлеба.

— О, Михаэль, тела слепые сражены,
Но взоры чрез огонь и прах напряжены.
Мое лицо в твоих руках волной омыто,
И сквозь нее земля и небо нам открыты.

— Где ты, Михаль? В руках судьбы мы —

словно нож

Слепой в руках жестоких, с непонятной целью.

Вынь нож из сердца, и его ты уничтожь,

Когда ты будешь петь, Михаль, над колыбелью.

— О, Михаэль, с тех пор, как стал меня ты

звать —

Во мне жена ликует, и горюет мать.

Не меч сынов родит. Но иногда умели

И меч, и нож вставлять на стражу колыбели.

— Где ты, Михаль? Я утром в смертный бой пошел,

И я сказал тебе: «Пред вечером вернусь я».

С тех пор, Михаль, как будто целый век прошел.

А я к тебе лицом еще не повернулся.

— О, Михаэль, ты в бой решающий пошел.

И после всех его решений ты меня нашел.

Гляди, любовь меж нами вся полна до края.

Хранили мы ее, ни капли не роняя.

— Где ты, Михаль? Где ты приют себе нашла?

Лишь это мне скажи, и я, как прах, рассеюсь:

Ты в доме слез, иль в дом ты к жениху вошла?

И что твой голос так звенит, зовет к веселью?

— О, Михаэль, приют себе уж я нашла.
Не в доме слез я, к жениху я не вошла.
Мой голос радостью звенит, поет ликуя, —
Ведь рядом тут с тобою, под землей, лежу я.

ЕВРЕЙСКИЙ УЧИТЕЛЬ

(по поводу одной забастовки)

**Сионизм, ты сегодня вознесся высоко—
Учрежденья и фонды, куда ни гляди...**

**А вот помнишь ли ты, как тебя одиноко
Нес еврейский учитель на впалой груди?**

**Ты тогда и во сне не мечтал о «Г'аснэ»,
О Г'адассе, о «Нире», о Керен-Г'айсоде.
Ты имел лишь его: Дон-Кихота в пэнснэ,
В сюртучке по сомнительной моде.**

**Когда брел он по снегу и в слякоть с тобой
И с «Любовью Сиона» писателя Мапу,
Он был первой «Сохнут», тебе данной судьбой
По дороге к иному этапу.**

**Был «Мерказ Хаклаи» он — и был «Мехон-Зив»,
Раздавая изюм в Туби-Шват всем питомцам;
А в их лепете детском звенел Тель-Авив,
До того как возник он под солнцем.**

А когда, объясняя детишкам язык,
Он писал на доске имена и глаголы, —
Вся «Махлекет-Тарбут», все издательства книг
Были там — на доске его школы.

Сетью всех учреждений служил он тогда —
И лишь б а н к о м он не был еще никогда.

Гольтьбы у нас тьма (должен Менделеев звать я!) -
Но баланс всей истории нашей таков,
Что (конечно, помимо писателя, братья)
Наш учитель детей — чемпион бедняков.

Задолжал он с дней Кальмана Шульмана пекарю
(Тот, отчаясь, давно прекратил уж свой бунт),
Бакалейной торговке, портному, аптекарю...
И всегда нехватает бедняге лишь фунт.

Вы глядите безглаголиво, друзья! Перестаньте-ка
Поэтично гнушаться прозаических дел!
Вы ведь в с е сионисты. Почему же романтика
Одному лишь учителю тут дается в удел?

Копит денежки в банке родитель с семейкою —
Но клеймит педагога, вспыхив как огонь:
Тот бастует, устав от погонь за копейкою...
О, друзья! Не довольно ли этих погонь?

Вы ведь знаете все этот тип человека.
Если он победит забастовкой «врагов» —
Не пугайтесь, друзья: до окончания века
Он не выйдет из пут векселей и долгов.

Фунт привел к забастовке, но долг обвинителя
Объективно исследовать почву и грунт.
И тогда он, наверно, поймет и учителя:
Мы должны ему больше чем фунт!

ПРОЦЕСС РАСКОЛА

или

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ

**Ты знаком, читатель, с той особой,
Что зовется в биологии амёбой?**

**Это — клетка жизни, но родиться
Суждено ей, крохотной, на горе...
В микроскопе — в капельке водицы
Ты ее увидишь словно в море.**

**В капле — волны плещутся бурливо,
И амёба плавает в прибое...
От потуг созрел процесс разрыва —
И гляди:
Из тельца стало двое.**

**Жуть и дрожь проходят по амёбе —
И смотря со страхом, как на чудо,
Половинки спрашивают обе
Друг у дружки:
«Кто ты —
И откуда?»**

Вне себя амеба от напасти,
Вкруг себя снует она впусую...
Вдруг сошлись — сцепились обе части —
И давай кусать одна другую.

И тогда зовет она во злобе
Самое себя на поединок...
Что за черт? Вдруг в каждой пол-амебе
Вспыхнул бой двух новых половинок.

Бьет себя амеба и кусает —
И бежит, спасаясь от себя же;
И себя же ловит и глотает —
И, давясь, выплевывает в раже.

В микроскопе — свалка и бесчинство:
Разбивает бурька все стремленья
Возвратить пропавшее единство,
Прекратить слепой процесс деленья.

В капле — ад, покоя там ни в чем нет.
Тьма врагов — и битвы, схватки, злоба...
И один лишь Бог на небе помнит:
Все они — та самая амеба.

МАЛЕНЬКИЙ КЛЕРИКАЛ

1

У знакомой мне пары — весьма вольнодумной —
Был прелестный младенец, способный и умный.
Но едва лишь он начал ходить и гулять,
Как учуял отец, и учуяла мать,
Что их сын... клерикал — и, увы, не на шутку!
Словно бес — мракобес вдруг вселился в малютку.

Каждый вечер коварно клерикал-лилипут
Задавал им вопросы, что к добру не ведут:
«Что вверху? Что внизу? Кто все звезды зажег?
Кто росой окропил всю лужайку сегодня?»
Сразу чует наш нос в тех вопросах д у ш о к!
Их придумала «черная сотня».

Но родители были не слабой формации
И умело давали отпор провокации:
В их словах была пущена в ход биология,
Биохимия, физика, антропология...

Но беда тех вопросов была пустяком бы —
 Да родители худшей боялися бомбы.
 И недаром так трясса отец-педагог:
 Сын однажды спросил: «Существует ли Бог?»

Захватило от ужаса у родителей дух:
 Как дошел до ребенка тот злокозненный слух?
 Состоялся военный семейный совет —
 И решил: тот секрет рассказал ему дед.

Но божился и клялся в слезах старичок.
 Что он с внуком ни-ни, и о тайне — молчок.
 Чтобы внук не подглядывал, упаси его Боже!
 А во время молитвы — он старается тоже,
 Он, молясь, только шепчет, неприметно для слуха
 Чтоб запретное имя не коснулося уха.
 В его «щрифте» и окна всегда запирались,
 Чтобы внук, не дай Бог, не узрел его «талес»!

3

Тут решили, что впредь нужно в оба смотреть,
 Чтобы сын не попался в коварную сеть:
 Защищать его разум незрелый и ранний
 От микробов зловредных влияний.

Но сказал им логичный и мыслящий друг:
Чтобы выполнить эту задачу,
Нужно скрыть от младенца всю землю вокруг —
И завесить все небо впридачу.

Не забудьте: для крошки любая звезда
Может вдруг послужить провокатором —
Но пока никакой ведь марксист никогда
Еще не был взращен инкубатором.

И на что будет годен марксист жалковатый,
Как «этрог» из коробки, окутанный ватой?
О, борцы-вольнодумцы! Мать, отец, педагоги!
Чуть побольше смекалки — и поменьше тревоги!

4

Не забудьте и то, что детишками малыми
Все вы тоже являлись, друзья, клерикалами.
Но Господь не без милости — и потом понемногу
Вы дорогу к «безбожникам» ведь нашли,
слава Богу!

МУШТРОВКА ДЕТЕЙ

За словами команды раздаётся свисток.

И шагают рядами молодцы с ноготок.

Маршируют младенцы «социал-сионисты»,

Дефилируют с флагом крошки ««нео-марксисты».

Важно шествуют в ногу Гади, Йоси и Рама;

«Никаких компромиссов!» — их святая программа.

А напротив шагают Ури, Зива и Хая —

И горланят протесты: их программа — другая!

Радикальные детки из отрядика Узи

Видят цель своей жизни в «Двународном Союзе».

— «Вечный срам ренегатам!» — воют воины Цицы.

Что поделаешь! Разные у детишек принципы.

И нередко младенчики, что сосут точки-зрения,

Подкрепляют и камушком свои веские мнения.

Нам же, нашем сердцу, слаще всяких конфеток

То отрадное зрелище столь сознательных деток.

Их знамена — не шутки;
Все в цветных униформах;
В наше время малютки
Тут растут на платформах.
Мальчик — робот! Орудье! Граммофон! Попугай!
Знай свой диск
И свой писк —

И шагай!

Так идут малыши, что безвременно скисли.
Во главе их Всезнайка, светоч духа и мысли;
Он в коротких штанах, но язык его — длинный;
И цитаты и лозунги так и льются лавиной,
Это — вождь детворы, пастырь юного стада,
Политрук всего детского сада!

Он так тверд, он так горд! Непреложно уверясь,
Изрекает он истины; а их критика — ересь!
И уста, на которых еще со вчера
Молоко не обсохло, горланит «ура!»
И никто не осмелится (хоть и хочется часто)
Взять всезнайку за шиворот и сказать ему «баста!».

На него нет управы! И игра продолжается.
Руководство свистит — и отряд отправляется.
На простом языке (позабытом у всех)
Имя этому зрелищу — безобразие и грех.
Но у нас, прости Бог, это тоже,
Называют «движением
молодежи»!

«ГАН-МЕИР» В ТЕЛЬ-АВИВЕ

Если время летучее вдруг

Нам не скажет: «пора в усыпалку!»—

Мы еще прогуляемся, друг,

В «Ган-Меир», опираясь на палку,

Вкруг деревьев там будут парить

Все болтливые ласточки города.

Ох, и «все наши кости начнут говорить»—

А им в такт закачаются бороды.

Кости будут кряхтеть — ну, и пусть!

Пусть вздыхают, что старость —

не радость;

Но, по правде, хоть есть в ней и грусть,

Есть зато и немалая сладость.

Шум деревьев услышим вокруг.

Ты их помнишь, конечно? Еще бы!

Мы их знали мальчиками, друг,

А теперь они все — «небоскребы».

Нет, мы знали их раньше еще:

**Как проект, как параграф бюджета;
Препирались о нем горячо
Главари городского совета.**

А теперь... Но ведь фокус-то прост!

**Все, мой друг, объясняется временем;
Те же годы, что дали им рост, —
Нас с тобою согнули под бременем.**

Мы присядем, коллега старик,

**На скамье — она наша ровесница,
А у ног наших птичка прыг-прыг —
Городская весенняя вестница.**

И о н а ведь часть плана была —

**А теперь уже скачет живая...
Этот пункт целиком привела
В исполнение власть городская.**

А плакатик: «не рвать», «не топтать»

**Нам внезапно напомнит: мы были
Вечно заняты, друг — и сорвать
Для себя по цветочку забыли.**

Многих дев, что в свою череду

Здесь гуляли с юнцами под-ручки,

Вновь увидим в тот вечер в саду:

За вязаньем чулочка для внучки.

Новый девичий выпуск займет

Место бабушек в пляске весенней...

Здесь с саду, что растет и растет,

Можно видеть и рост поколений.

А кругом разрастется, как сад,

Этот город, немалый и ныне:

И тогда обратится он в град,

Где Яркон будет течь посредине.

И, читая всю быль наизусть,

Улыбнемся, припомнивши младость,

Но, хоть будет в улыбке той грусть,

Будет, друг, и немалая сладость.

Прикорнем мы на пару минут,

Головою склонившись к колену...

И детишки с улыбкой шепнут:

«Ишь, как спят себе, старые хрены»!

ПЕСНИ КАЗНЕИ ЕГИПЕТСКИХ

I. ПО ДОРОГЕ НО-АМОН

1

**Но-Амон, с лязгом петель железных
Сорвались ворота твои прочь.
И египетских казней бездна
Разверзлась карать тебя в ночь.**

**Но Амон, до звездного свода
Взвился первый крик беглеца;
И живой, не дойдя до входа,
Превратился едруп в мертвеца.**

**Возопил царский град от боли,
Дрогнул город со всех сторон —
От дворцов до крупницы соли,
От лохмотьев и до корон.**

**Средь поверий, легенд, преданий
Блещет сказ твой тьмой огоньков.
Как пожар недоступно дальний,
Ты горишь сквозь туман веков.**

**И как память грехов и кары
В одеянии кровавом, как рок, —
Ты стоишь, никогда не состарясь,
На распутье людских дорог.**

Ты — курган в память злых нашествий
И набегов буйных племен.
Города, пораженные бедствием, —
Ты им зеркало всех времен.

Ты курган в память сонмищ чумных,
Что, разбив на межах лагеря,
Как шуты на арене шумной,
Воздаянье, играя, творят,

Чтоб узрел мир владык измены,
Ложь толпы чтоб увидел он.
Оттого горят его стены
Твоим пламенем, Но-Амон.

И сечет тебя стая пророков
Розгой режущей, словно сталь,
Чтоб добавить ко злым карам рока
Речь гнусавую про мораль.

Орды черни с совестью черной,
Задыхаясь, бегут свалить
Всю вину на царя и придворных,
Чтобы руки свои умыть.

**И когда раскатился громом
Несуразных знамений удар
И горел, словно стог соломы,
Твердых истин яркий пожар,**

**Пепел твой чрез века забвенья
На ветру, словно стая птиц,
Вьется, слившись во тьме поколений,
С пеплом всех погибших столиц.**

На тебя, как из норки мышьей,
Смотрит робкая песнь без лица,
Чуя воду, огонь и слыша
Плач о первенце, плач отца.

Но-Амон, ты окутан мглою.
В ней отец с трупом сына у ног.
Плач отцовский сорву я рукою,
Как с могилы бессмертный цветок.

Хоть зачах цветок неумный,
Но горит он еще сильнее.
Все погибшие ночью темной
Его кровью зажгли своей.

Ибо праведен меч Божьей воли,
Но, пройдя кровавой стезей,
Насыщает он след свой, как солью,
Всех невинно погибших слезой.

Но-Амон, с железным громом
Ворота твои сорваны прочь.
О египетских казнях споем мы,
Что карали тебя в ту ночь.

Как поднявшись из рек густопенных,
Из пустыни жгуче-сухой
По тебе опи чинно, степенно
Борозду провели сохой.

Но-Амон, метрвецов вереницы
По сей день у стены стоят.
А над ними хищные птицы,
Как кошмар застывший, висят.

Десять казней тебя разили.
И ничем их не превозмочь.
Десять раз часы полночь пробили.
И ночь первая — крови ночь.

П. КАЗНИ

1. Кровь

Звездой пришельца ночь, Амон, оголена.
В колодцах и прудах вода озарена.
Как алый жемчуг ты горишь, огнем дыша,
От девичьей косы до нищего гроша.

Грош нищего сверкает, как кровавый зрак,
Девицы крик пронзил колодца черный мрак.
И дрогнула рука — Господь, не погуби!
И кануло ведро и звякнуло в глуби.

Над бдением и сном — блеск красный, огневой,
В ресницах, на устах пылает пекла зной.
И девичья коса поникла, как мертвец...
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Все кружится во мне, как пляска тысяч ног.
Иссушен я, отец, иссушен, как песок.
Отец! Прижми меня. Я в пропасти без дна.
И хоть глоток воды подай из кувшина.

Мой первенец, мой сын, вода вся стала кровью.
За то, что истекал град праведною кровью.
Черна колодца глубь. Глаза овец горят;
Ибо в крови был город, но не дрогнул град.

О! Жажда лютая, отец, меня сожгла.
Звезда прищельца, сын, над Но-Амон возшла.
Вода его, отец, пылает в кувшинах.
Кровь слепо льется, сын, а мы — в ее волнах.

2. Жабы

Болотной тиною окутан Но-Амон.

И за грехи свои весь город преклонен.

Напрасно он, как ад, клокочет и вопит:

— Боже, Амон храни! В нем Нил теперь царит!

Лягушка, появись! Тебя здесь царство ждет!

Ты — жаба склизкая! Царица и урод!

Как всадник проскачи! Слюнявый срам людей!

Ты, жаба, обрешь корону королей!

И гадина ползет, и пухнет, и растет,

И Нила злой прилив волнится и гниет.

И выются сонмы жаб, как змеи тьмой колец...

Отец, — воскликнул сын, Мой сын, — сказал отец.

Отец, то мчится Нил, он наводняет свет!

И жаба правит им! И ей отпора нет!

И лапою она мне зажимает рот!

Спаси меня, отец, хоть чудом. Смерть идет.

**Мой первенец, мой сын, так город царский гибнет.
Последним рухнет он, ведь только царь так гибнет.
Но ночь еще длинна, крепись, терпи, мой сын.
Остался до утра ты у меня один**

**Отец, в ушах моих беды не молкнет стон.
Сын, в эту жабую ночь так гибнет Но-Амон.
Отец, но он умрет как царь, в боях, средь сеч.
Ты, сын, в его руке узришь знакомый меч.**

3. Вши

**О, город Но-Амон, ты ненавистным стал.
Поднялся прах земли, и ожил, и постлал
Язвящей вши покров. Слепой, бесслышный ад,
Ты ненавистным стал, Амон — столица-град,**

**Вошь, вошь презренная, тобой земля кишит.
Ты та, кто впереди чумы и язв бежит,
Ты та кто после битв несется из страниц
Раба! Перед тобой падут народы ниц.**

**Ты мразь ползучая, желта, как золотник.
И рвут себе лицо и дева и старик,
И в гнойных муках мечутся стада овец.
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.**

**Отец, погас, как ночь пустыни, свет очей.
Отец, я растерзал себя в тиши ночей.
Освободи меня! На волю отпусти!
От кары гибельной меня здесь не спасти.**

Мой первенец, мой сын, не свершено возмездье.
Смерть для карателя, сын, не венец возмездья.
Он взыщет плоть за плоть — от пальцев и до губ.
Ресницу за ресницу, зуб за зуб.

Отец, рыдает кровь во мне, как страшный звон.
Пыль, прах земли, мой сын, терзает Но-Амон
Ночь велика, отец, бессменна тишина.
То мценья ночь, мой сын, а мценья ночь стралина.

4. Хищники

Стрелой по Ис-Амон помчалась рысь стремглав,
Зверь бродит в городе! Кольцо с ноздрей сорвав,
Рванулся бык и пал и снова встал; впотьмах
На черной шкуре кровь, как пламя на углях,

С цепи сорвавшись, псы безумные бегут.
И кто-то крикнул: волк! И, словно в цирке кнут
Страх только подал знак — короткий свист судьбы—
И кони, опьянев, взметнулись на дыбы

И в свалке дьявольской все кругом понеслись, —
Зверь, скот и человек в побоище сплелись.
Мелькают зуб и нож — как сквозь туман гонец.
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, когтистый сброд — шакал, орел и волк —
Вонзает клык и клюв. Домашний скот умолк.
Оставь меня, отец, уйди и не клонись...
Отец, отец родной! Ты выглядишь как рысь.

**Мой первенец, у всех переменились лики.
И в людях и в скоте сверкают рысьи лики,
И не покинет этот лик века, века
Младенца колыбель и ложе старика.**

**Отец, скот рвет себя, он в клочья превращен.
Сын, рыси глаз горит над городом Амон.
Отец, в глазах его уж высохла слеза.
Сын, многое еще увидят те глаза.**

5. Чума

Свет факелов, Амон. Он крив, он извращен!
Свет факелов! В нем гнев и радость, Но-Амон!
Амон, ты блеск и мгла. Амон, ты — смерть и мор,
Ты — в гневе женщина, ты — в свете молний бор.

Как часто человек, сглотнув терзаний крик,
Бежит, чтоб обрести веселья краткий миг.
Но в эту ночь чумы не умолкает пир.
Весельем славен он на весь обширный мир.

Амон, свет факелов, веселием горя,
Пройдет материк, переплывет моря
Из рода в род... Незрим, незрим его конец.
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, от трупов дым клубится из костров.
Отец, мне хочется разгула и пиров,
И шуток, и забав, и плясок, и проказ.
Мне радость дай, отец, увидеть хоть бы раз.

Мой первенец, мой сын, веселье — дар небесный,
Но нас оно разит страшнее кар небесных.
Дай Бог нам, сын родной, той радости не знать,
Которой вопль — отец, а ужас — ее мать.

Отец, во мне зеснит свирели перелив.
Сын, в факельном огне Амон чудесней див.
Бьет барабан, отец, под звуки медных труб.
Сын, в стенах Но-Амон само веселье — труп.

6. Язвы

Блестит луна, легка . Амон, ты онемел.
И серебристый луч — позорища предел.
И сжаты все уста. Кто взглянет только раз,
Испуганно сомкнет ресницы темных глаз.

На стенах, по дворам разостлан язвы слой,
Зелено-розовый с зернистой белизной.
И на плоти людской зардели жемчуга.
И плоть твоя не плоть, а острый нож врага.

Амон, проказой все в тебе поражено:
Молчание друзей, сон улиц и вино.
Свирели плач — созвучья чистого венец...
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, в потоках рек пожар мой погаси.
Сгораю, я, отец, избавь меня, спаси!
Из пламени, отец, язвящего огня
Неси меня к заре, к заре иного дня.

**Мой первенец, мой сын, к спасенью нет дороги.
Нам некуда бежать, проказа на дороге.
Сомкни глаза, и ясным станешь как хрусталь.
Не жди утра вдали. Покрыта язвой даль.**

**Отец, на всем живом цветистых язв узор.
Луною в Но-Амон, сын, освещен позор.
Смеясь, отец, луна плывет легка, легка...
И на младенца, сын, глядит издалека.**

7. Град

Вдруг раскололась ночь. И разом пала ниц,
И покатился град, как сонмы колесниц,
И засверкала мгла, и сумрак распылен.
В разрухе и красе, Амэн, ты оголен.

Вся твердь — живой поток убийственных камней.
И хлещет землю град, что миг — то все сильней.
В глубинах льдин огонь. И раненая тварь, .
Упавши, мечется. О, твердь, сильней ударь!

В глубинах льдин огонь. А над потоком льет
И, заглушая крик, по головам он бьет.
Он бьет, хоть на земле уж распростерт беглец...
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, кипит зверьми все небо, как леса.
Пусть соколом взлечу, отец, я в небеса.
Швырни меня, отец. Расплюнусь я как вошь!
Отец, хаос настал. Отец, чего ты ждешь?

**Мой первенец, мой сын, хаоса нет, законы
Царят на свете, сын, железные законы.
И лишь рассеется дым павших государств,
Завидят их не раз сквозь груды пепла царств,**

**Отец, струится кровь твоя, как едкий яд.
Железные закены, сын, на нас глядят.
Последний из пленцов, отец, в ночи убит.
И враг наш в эту ночь рыдает, сын, навзрыд.**

8. Саранча

Но бедствий океан тем не иссяк, Амон.
Как на посмеище ты будешь обнажен.
От крови отсчитав семь кар, в восьмой ночи
Твой облик извратит сонм полчищ саранчи,

И все зеленое сотрут с лица земли.
Народ столь крохотный тебя, Амон, палит.
Когда ветра пустынь иссушат лист дотла,
От весен и от зим останется зола.

Утратишь разум ты. Забыт и одинок,
Взывает к небесам трепещущий сверчок.
Лишь о тебе грустит печальный сей певец...
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, где город тот? Где лес, роса и новь?
Они мне чудятся во сне сквозь град и кровь,
Сквозь них лик матери глядит в меня с небес.
Но саранча прошла, и образ тот исчез.

Мой первенец, так стерлись родина и образ,
Дабы больней любить ее изъятый образ.
У нас в очах она, как черная зола.
У нас в сердцах она, как голубок бела.

Отец, из-за окна гляжу я на Амон.
Как камыши, мой сын, наш город оголен.
Последний лепесток пристал, отец, к песку.
Целует землю, сын, он на своем веку.

9. Тьма

Тьма грянула, Амон. Не сумерки, не тень —
Мрак черный и слепой затмил внезапно день.
И тщетно из всех сил ты расширяешь зрак,
Дни покорились тьме, и их окутал мрак.

И покрывает он деяния племен,
Слух коих столь ласкал свирели нежный звон.
То мрак, что из давно минувших дел и дней
В музеях дребезжит осколками камней.

Ночь бдения, Амон. Недвижима, тиха.
Свершилось все, Амон. Разумно, без греха.
Лишь мальчик в колыбели сед, словно мудрец...
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец, где ты, отец? Я весь окутан мглой.
Ощупай ты меня, отец, отец родной.
Не покидай меня, и, тьме наперекор,
Воспрянем к свету мы, как птицы с выси гор.

Мой первенец, мой сын, не разлучит нас сумрак;
Он сковывает нас слепым стenanьем, сумрак.
Рыданьем, гневом, сын, мы сплочены поднесь.
Не здесь начало их, и их конец не здесь.

Отец, взлетим, отец, туда, где яркий свет.
Засветится, мой сын, Амон светлей комет.
На нас, отец, Амон взирает из руин.
Твоя ночь близится. Готовься к ней, мой сын.

10. Казнь первенцев

Вернись, звезда пришельца. Обагрись, Амон.
Царевна-жаба, сядь под стенами на трон.
Воскресни, прах земной! Смотри: то явь, не сны.
Стой, рысь! На зрелище вы все приглашены.

Глядите ж! Лунным светом ночь озарена.
Огонь чумы, гори! Лунная ночь ясна.
Ты, изва, веко вновь приподыми свое.
Град, встань, словно король, опершись на копье.

Взбирайтесь зреть с нее... Над городом луна.
Вы, саранча и мрак... Вкруг города стена,
Эй, толпы, по местам! Где сонмищам конец?..
Отец, — воскликнул сын. Мой сын, — сказал отец.

Отец мой, на груди ты руки мне скрестил,
Мои глаза сомкнул и веки опустил.
И тьма вокруг меня, и прах, и звездный блеск.
Рыданье лишь твоё шумит в ушах, как лес.

**Мой первенец, мой сын, звезда, прах, и рыданье
Нам подарили мир счастливее рыданий.
Звезда, рыданье, прах — они цветной хитон
И саван ночи той, последней в Но-Амон.**

**На мне, на мне хитон, и я готов, отец.
Сын старости моей, Амона первенец.
Отец на сына пал. Затих и замер свет.
И казням всем конец. Взошла заря. Рассвет.**

III. ЛАНЬ

**Взошла заря. Рассвет. И луч звезды трепещет
Как серна. Лань зари орленком ввысь взвилась
И красной девицей она игриво блещет.
Но солнце вспыхнуло — и свет ее погас.
И все ж из века в век глупец и старец вещий
Целует башмачок ее в тот ранний час.**

**Амона ночи лань, быстра как миг ресницы...
Да, многое с тех пор свершил наш род людской.
И сорваны не раз в веках врата столицы,
Но из под груд углей, обрызганных росой,
Как из сей песни взор в тебя вперяют лица
Отца и девицы с малиновой косой.**

**И ты легка, легка, крылатее орленка.
И девица, как ты, быстрее вольных птиц.
Как червь стал мотыльком в своей личине тонкой,
Веками на тебя взор первенца-ребенка
В час смертный устремлен из-под густых ресниц.
Так чудом светится улыбка бледных лиц.**

И клятву дал отец в торжественном обряде,
С ним дева, не склонясь, с малиновой косой.
Как шило в тьме мешка не утаить, не спрятать,
Так не сокроет ночь священной клятвы той:
Не воцарятся вошь и жаба вод проклятых,
Народы не падут лобзать жезл золотой.

И в мире, где лишь меч да серебро сверкают,
Надежды вековой подует ветерок.
Прах скорби и любви ее в ноги рождает,
Ей крик роженицы — преддверье и порог.
Доколь одна душа ей верностью пылает,
Врагов надежды той постигнет жалкий рок.

Недаром лик отца улыбкой озарился,
А дева рядом с ним, лучиста и горда.
Удел людских племен пред ними прокатился
В разбоях и грехах — то грех, то бич суда, —
Поток измен, и кар, и слепоты разлился,
Но он улыбки той не смоем никогда.

Улыбка та сильна и вечна, как загадка.
И в вере праведной лежат ее концы,
И малое дитя ей ведает разгадку,
Но не решат ее и по сей день глупцы.

**В ночь смерти первенцев в заре блестит украдкой
И башмачок ее сквозь алые рубцы.**

**Амона ночи лань! Взлетела ты высоко,
И ты — звезда-птенец — сверкаешь с вышины,
И всем погибшим ты — луч осенью глубокой,
Бессмысленно живым — ты первый смех весны,
Сияют вслед тебе отец и червь безокий,
И девица, чьи косы кровью сплетены.**

П Р И М Е Ч А Н И Я

МАМА, УЖЕ МОЖНО ПЛАКАТЬ?

Дядя Иозеф — нарицательное имя, нацист, надзиратель в концентрационном лагере.

Джойнт — Еврейская американская организация помощи нуждающимся евреям во всем мире.

УНРА — Отделение ООН, оказавшее помощь пострадавшим во второй мировой войне.

О СЕНЕГАЛЬСКОМ СОЛДАТЕ

Левант — автор подразумевает Сирию, в которой в 1945 г., сразу же по окончании войны, вспыхнули волнения, направленные против расшатанного владычества французского империализма. В подавлении этих волнений принимали участие отряды сенегальских солдат.

Шубрия — короткий, кривой арабский кинжал.

Бритсенегалы — словообразование, намекающее на агентов британской разведки, оперировавших за кулисами этих волнений.

СЕНСАЦИИ С ПОТСДАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Конференция трех «великих» — Трумэна, Черчилля и Сталина — была открыта в Потсдаме близ Берлина 17 июля 1945 г. Первые сообщения с конференции были «затемнены».

Скоор: английское слово, произносится «скуп», обозначает сенсационное журнальное известие, которое журналисту удалось добыть первым!

ИЗ ЗАПИСОК СОБАКИ

Сдот-Ям — кибуц севернее Хедеры, на берегу моря, на месте древней Кесарии. 26-го августа 1946 г. кибуц был окружен английскими войсками с ищейками в поиске «террористов» и нелегального оружия.

Рухама — кибуц на юге. Там произошла облава 28-го августа.

АРАБСКАЯ СТРАНА

Иль-Куде — арабское название Иерусалима.
Так же:

Малек Дауд — царь Давид.

Иль-Халиль — город Хеврон.

Ибрагим — Авраам.

Хаваджа Исхак — господин Исаак.

Иль-Урдун — река Иордан.

Якуб — Наков.

Наби Муса — пророк Моисей.

ОБЪЯСНЯИ СНАЧАЛА

Стихотворение написано после выступления английского министра иностранных дел Эрнста Бевина в парламенте 25-го февраля 1947 г. В своей речи Бевин отказывался от поддержки еврейского национального очага в Палестине и спрашивал: Зачем евреям государство? Мы этого им никогда не обещали.

Герцль—Пинскер—Борохов — идеологические основоположники сионизма.

О ШАЙКЕ ЕВРЕЙСКИХ ПОДСТРЕКАТЕЛЕЙ

Лорд Гав-Гав — прозвище английского фашиста Вильяма Джойса, дезертировавшего из Англии во время 2-ой мировой войны и выступавшего по германскому радио в передачах.

ТОСТ ИТАЛЬЯНСКОМУ КАПИТАНУ

Стихотворение было написано после прибытия корабля нелегальных репатриантов «Хана Сенеш» к берегу Нагарии (в Западной Галилее, севернее Акко) в одну из ночей 1945 года. Капитан корабля был итальянец Ансальдо.

Трафальгарский бой. Трафальгар — мыс на южно-западном берегу Испании, где Британия одержала значительную морскую победу 21-го октября 1805 года.

Кианти — сорт итальянского вина.

Санта-Мария — Святая Мария, здесь восклицание, выражающее возбужденность.

Нагария — город на берегу средиземного моря в Западной Галилее (см. выше).

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

Стихотворение называется также «Люди второй али» — инициативная группа репатриантов (1904—1914), положившая основу еврейскому рабочему движению в стране.

Гора Муден — горный хребет начинающийся севернее Беер-Шевы и кончающийся севернее Иерусалима.

Кинеретские воды — озеро Кинерет, называемое также Генисаретским морем (или озером), в нижней Галилее.

Сион — Гора в Иерусалиме, название которой стало символом Иерусалима и всей страны.

Гашомер — Еврейская организация самообороны в Палестине, основанная в 1909 году. Впоследствии превратилась в «Хагана».

Кинерет — Усадьба на берегу генисаретского озера, где в 1908 г. было основано первое земледельческое хозяйство на национальной земле.

Квуца — то же что кибуц, коллективное селение.

Дганья — Первая квуца в стране, в иорданской долине, на берегу Иордана и Генисаретского моря, основана в 1909 году.

ВИНО

Хамутал — женское имя.

Самсон — библейский герой.

ДИАЛОГ

Михаль — женское имя.

ЕВРЕЙСКИЙ УЧИТЕЛЬ

Гаснэ — Страховое общество, орган «Общества Трудящихся» при Гистадруте (организация трудящихся Израиля).

Гадасса — Женская сионистская организация в Америке. Заботится, между прочим, о здравоохранении в Израиле. Сеть больниц, основанных ею, носит то же название.

Нир — Финансовое-ссудное учреждение обслуживающее трудовое земледельчество.

Керен-Гайсод — Финансовый оперативный фонд Сионистской организации, обеспечивает все действия иммиграции, поселения, воспитания и т. п. в стране.

Малу Абрам (1808—1867) — еврейский писатель, считается зачинателем новой еврейской литературы. «Любовь Сиона» — его известный роман.

Сохнут — Еврейское Агентство, признанный международным правом орган еврейского народа по делам устройства национального очага в Палестине. После основания государства Израиль заботится о репатриации, поселении и т. п.

Мерказ Хаклаи — Центральный исполнительный орган организации трудового земледельчества.

Мехон-Зив — Институт имени Даниэля Зива, отделение научно-исследовательского института им. Вейцмана в г. Реховот.

Ту-Би-Шват — 15-ое число в месяце шеват (приблизительно: февраль), праздник фруктов и деревьев.

Махлекет-Тарбут — отделение по делам культуры организации трудящихся.

Менделе — знаменитый еврейский писатель Менделе Мойхер Сфорим (1836—1917).

Шульман Кальман — (1819—1899) еврейский писатель. Здесь упоминание его имени символизирует старину.

МУШТРОВКА ДЕТЕЙ

«Двународный союз» — тенденция в еврейском рабочем движении о кооперации и взаимодействии с арабскими рабочими.

«ГАН-МЕИР» В ТЕЛЬ-АВИВЕ

Ган-Меир—парк, названный именем мэра города Меира Дизенгофа, был публично открыт 10-го марта 1944 г.

ПЕСНИ КАЗНЕЙ ЕГИПЕТСКИХ

Согласно библейскому преданию, чтобы заставить фараона выпустить евреев из Египта, Бог поразил Египет десятью казнями, следовавшими одна за другой: кровь, жабы, вши, хищники, чума, язвы, град, саранча, тьма и казнь первенцев. В своей поэме Альтерман символически использует эту тему.

Но-Амон — столица древнего Египта.

Амон — главное божество древнего Египта.

Лань зари, на иврите — утренняя звезда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям	5
Из всех народов	
Из всех народов	11
«Мама, уже можно плакать?»	13
В руинах	17
Завтра	19
Архимедова точка	22
Перспективы	27
О сенегальском солдате	29
Сенсации с потсдамской конференции	33
Из записок собаки	36
Арабская страна	41
Объясняй сначала	43
О шайке еврейских подстрекателей	48
Тост итальянскому капитану	51

Молитва о мести	54
Странные люди	56
Серебряное блюдо	61

Первая улыбка

Первая улыбка	65
Летняя ночь	67
Рассвет после бури	68
Оливковое дерево	69
Огненный бастион	71
Вино	76
Диалог	79
Еврейский учитель	82
Процесс раскола	85
Маленький клерикал	87
Муштровка детей	90
Ган-Меир в Тель-Авиве	93

Песни казней египетских

I По дороге Но-Амон

II Казни

1. Кровь	105
2. Жабы	107

3. Вши	109
4. Хищники	111
5. Чума	113
6. Язвы	115
7. Град	117
8. Саранча	119
9. Тьма	121
10. Казнь первенцев	123
Лань	125
Примечания	129

By Hakibbutz Hameuchad
Publishing House Ltd. 1974

Printed in Israel

נדפס בישראל

דפוס „ראש פינה“ רח ראש פינה 19, תל אביב

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

- 1—2. Леон Юрис: **ЭКСОДУС**
3. Др. А. И. Кауфман: **ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ**
4. Сарра Нешамит: **ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ**
5. Арие (Лева) Элиав: **НАПЕРЕГОНКИ
СО ВРЕМЕНЕМ**
6. Др. Е. Хисин: **ДНЕВНИК БИЛУИЦА**
7. Макс Брод: **РЕУБЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ**
8. **6 000 000 ОБВИНЯЮТ**
(Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель: **ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ**
10. **НА ОДНОЙ ВОЛНЕ:** Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман: **СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО**